

РАЗДЕЛ IV. Семиотика: мир как текст

ББК 83.3(2)
УДК 82.6

*А. В. Петров¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

*А. С. Еськова²,
магистрант 1 курса
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
arletunya@mail.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА В ПИСЬМАХ КАРАМЗИНА К ДМИТРИЕВУ

На примере писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, содержащих литературно-критические замечания, расширяется и углубляется традиционный взгляд на понятие литературного быта. В последний предлагается включить, помимо дружеского письма, сам феномен дружбы, который влияет на становлении творческой личности и на литературный процесс в целом.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, литературный быт, дружеское письмо, литературная критика

Литературный быт XVIII – начала XIX в. нечасто становится объектом научного рассмотрения, в фокусе внимания исследователей, как правило, находятся XIX и первая половина XX в. (см.: [1; 2; 3; 4; 8; 10]). Поэтика литературного быта впервые была систематически исследована Ю. М. Лотманом в статье с одноименным названием. Вслед за ним под литературным бытом мы будем понимать «особые формы быта, человеческих отношений и поведения, порождаемые

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

² Еськова Александра Сергеевна, магистрант кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск

литературным процессом и составляющие один из его исторических контекстов» [7, 194]. В свою очередь одной из форм *«человеческих отношений»* является дружба, осознанная в качестве особого феномена культуры в конце XVIII – начале XIX в. В это время, как отмечает У. М. Тодд III, «тематический фокус русской поэзии переносится от двора в деревенские поместья и в дружеский круг» [14, 38].

Актуальной для нас является и классическая трактовка литературного быта, принадлежащая представителям формальной школы, в частности Ю. Н. Тынянову. Под литературным бытом он понимал совокупность текстов, в особенности эпистолярных, которые с конца XVIII в. начинают функционировать как полноценные литературные произведения: «Из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы <...> Письмо, бывшее документом, становится литературным фактом» [15, 182]. К этому последнему Ю. Н. Тынянов относит дружеское письмо карамзинской и пушкинской эпох. Так, он отмечает: «Письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой ораторской канонической прозе и приводят к «Письмам русского путешественника», где путевое письмо стало жанром» [15, 181].

Материалом для нашей статьи послужили письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву [12], представляющие собой диалог¹ двух литераторов и друзей, длившийся с 1787 до 1826 г. В этих письмах они откровенно и прямо говорили о роли того или иного произведения и автора в текущей литературе, обменивались собственными стихотворными опытами и литературно-критическими замечаниями. Литературная жизнь эпохи отражена в особенности в письмах 1787–1802 гг.; письма с 1802 по 1810 гг. не сохранились; как известно, после 1802 г. Карамзин отходит от литературной и журналистской деятельности и обращается к написанию «Истории государства российского». «Я по уши влез в Русскую историю; сплю и вижу Никона с Нестором», – читаем в 104-м письме от 2 мая 1800 г. [12, 116]. После 1810 г. литературные темы в переписке постепенно мельчают, затем уходят совсем, уступая место темам личным, философским и социально-политическим.

В данной статье мы сосредоточимся на Карамзине-критике, дающем дружеские советы Дмитриеву-писателю.

Будучи на 6 лет старше своего приятеля, Дмитриев гораздо раньше получает «первые опыты в рифмовании» – около 1777 г. Глядя на успешные начинания старшего друга, Карамзин пробует себя

¹ Ответные письма Дмитриева не сохранились.

в сочинительстве¹. Первым своим вознаграждением за перевод немецкого сочинения «Разговор австрийской Марии Терезии с нашей императрицею Елисаветою в Елисейских полях» Карамзин обязан Дмитриеву, посоветовавшему ему заняться переводами в коммерческих целях². После переезда в Москву, где Карамзин стал членом «Дружеского ученого общества» и познакомился со многими известными писателями того времени, ситуация меняется: набравшись опыта, он сам начинает давать советы Дмитриеву. Главным событием, приведшим друзей к тесным литературным контактам, следует считать основание Карамзиным «Московского журнала» (1791). Известно, что своей популярностью Дмитриев-поэт во многом обязан публикациям в нём. Разочаровавшись некогда в своем таланте³, отныне он не только находит в лице младшего друга признание и поддержку, но и обретает любимое занятие – сочинительство, которое наполняет однообразную жизнь государственного служащего новыми радостями, а также приносит дополнительный доход: «Наступает новое удовольствие: переписывать стихи мои набело для отсылки к Карамзину. С каким нетерпением ожидал от него отзыва! С какую радости получал его! С каким удовольствием видел стихи мои уже в печати! Каждое письмо моего доброго друга было поощрением для дальнейших стихотворных занятий» [5, 71].

В дальнейшем, по приезде Карамзина в Москву в начале ноября 1790 г., их пути расходятся: пока Карамзин издает свои журналы и альманахи в Москве, Дмитриев живет в Петербурге, и встречаются они нечасто. Большую часть советов Карамзин дает другу в их переписке. Соответствующих писем насчитывается около двадцати; тематически они включают в себя: а) дружеские советы-размышления о начинаниях Дмитриева на литературном поприще,

¹ «Едва ли не с год мы были почти неразлучными; склонность наша к словесности, может быть, что-то сходное и в нравственных качествах укрепляли связь нашу день от дня более. Мы давали взаимный отчет в нашем чтении (VI), между тем я показывал ему иногда и мелкие мои переводы, которые были печатаемы особо и в тогдашних журналах. Следуя моему примеру, он и сам принялся за переводы», – читаем в записках Дмитриева [5, 39–40].

² «Я советовал ему показать его <перевод. – А. П., А. Е.> книгопродавцу Миллеру, который покупал и печатал переводы, платя за них, по произвольной оценке и согласно с переводчиком, книгами из своей книжной лавки. Не могу и теперь вспомнить без удовольствия, с каким торжественным видом добрый и милый юноша Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика *Фильдинг*ова «Томаса-Ионеса» (Том-Джона), в маленьком формате, с картинками, перевода Харламова. Это было первым возмездием за словесные труды его» [5, 40].

³ «С семсот семьдесят седьмого года начались первые мои опыты в рифмовании, мнесовестно сказать, в поэзии. <...> Все они брошены в огонь, коль скоро я узнал об их неправильности» [5, 32].

б) советы – критические замечания Карамзина по поводу конкретных произведений Дмитриева, в) советы, касающиеся дальнейшей совместной творческой деятельности друзей.

***Дружеские советы-размышления
о начинаниях Дмитриева на литературном поприще***

Первые такие замечания находим в 17-м письме от 1 июня 1791 г. Карамзин пытается сподвигнуть друга к творчеству, указывая, что у того вскоре появится свободное время и что нужно будет просто преодолеть лень: «Говорят, что войны не будет; и так ты в поход не пойдешь и будешь иметь время писать стихи и написанное присылать ко мне. Пожалуй не ленись» [12, 19]; ср. также 56-е письмо от 22 января 1796 г.: «Слышишь ли, ленивой человек? До Сызрана долго; нам скорее что-нибудь. – Пиши или сам приезжай в Москву» [12, 63].

Для Карамзина крайне важно увидеть своего друга преуспевающим на литературном поприще. В письмах он нередко упоминает о популярности того или иного произведения Дмитриева в Москве: таковы, в частности, письма за 1791 г.: «Стихи твои мне полюбились. Как я удивился, узнав, что они ходят по Москве! Их хвалили все, кто только их читал» (письмо № 13) [12, 15]; «Модная жена очень понравилась нашей московской публике, и притом публике всякого разбора» (№ 15) [12, 16]. Сам Дмитриев признавался: «<...> с четвертой части («Московского журнала») начался уже новый период в моей поэзии: песня моя *Голубок*, и сказка *Модная жена*, приобрели мне некоторую известность в обеих столицах» [5, 69]. И действительно, «Модная жена», высмеивающая нравы дворянского общества конца XVIII в., пришлась по душе читающей публике. А. С. Пушкин в «Опровержение на критики» так писал об этой сказке: «Какой угрюмый дурак станет важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа» [13, 156].

В других письмах Карамзин настаивает, чтобы Дмитриев продолжал писать: «По праву дружбы требую от тебя, чтобы ты, любезный друг, писал для «Московского журнала». Твои пьесы нравятся умным читателям» (№ 16) [12, 18]; «Успокойся в рассуждении своих пьес. Сколько мне известно, то никто из читателей журнала не восстает против стихотворений под буквою *И*. Их читают и хвалят. Стихи на деньги в своем роде никак не худы, и ты напрасно их не любишь» (№ 19) [12, 21].

Известно, что Дмитриев не хотел публиковать стихотворения под своим именем, поэтому во всех выпусках «Московского журнала» за 1791–1792 гг. они были подписаны литерой «*И*». В письме № 19 речь, вероятно, идет о басне «Червонец и полушка» (1789?), которая

была опубликована в 1-й части «Московского журнала» за январь 1791 г. В произведении рассказывается о случайной встрече золотого червонца и медной полушки и споре между ними: спесивый червонец возмущен, что полушка посмела показаться ему на глаза. На это она отвечает, что лучше служить убогим, нищим и страждущим, чем умножать казну ростовщиков и быть причиной зла в мире. Их спор разрешает прохожий: одну монету он отдает вдове с ребенком, а вторую – продажной девице. В итоге каждый оказывается там, где должен, и выполняет свою функцию. Социально окрашенная мораль произведения, с явной симпатией к «маленьким людям», предвещает сюжеты и пафос басен И. А. Крылова.

Иногда Карамзин сообщает другу о не очень удачных его опытах. В этих случаях он подбадривает и уговаривает Дмитриева продолжать писать. В 20-м письме от 1 сентября 1791 г. читаем: «Шмит, Попугай и Ефрем конечно не лучшие из твоих пьес, однакож имеют свою цену, и я уверен, что многим из читателей они понравились» [12, 22]. По-видимому, речь идет о стихотворении «На смерть попугая», опубликованном во 2-й части «Московского журнала» за июнь 1791 г., и о «Надписи к портрету Ефрема-живописца», опубликованной в 3-й части «Московского журнала» за август 1791 г. Оба произведения являются эпиграммами. В первой болтовня попугая сравнивается с человеческим враньем: рано или поздно попугай превратится в «чучелу», так и все лжецы когда-нибудь сомкнут «досадные уста». Во второй эпиграмме высмеивается некий бездарный доморощенный художник («маляр»). Современники, вероятнее всего, знали об адресатах эпиграмм, и потому последние «имели свою цену»; для нас они имеют лишь историческое значение.

***Советы – критические замечания Карамзина
по поводу конкретных произведений Дмитриева***

Очень часты в письмах критические комментарии Карамзина к произведениям Дмитриева. Как писал Ю. Н. Тынянов, «домашняя», малая форма письма мотивировала ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных «грандиозным» приемам XVIII века» [15, 181]. Так, в 26-м письме от 21 октября 1792 г. Карамзин особо выделяет две дмитриевские строчки: «Благодарю за стихи. Это не голубок, однакожь хорошо; а особливо обращение к ласточке и сии стихи:

*Розы ль дышут над могилой
Иль полынь над ней растет, и проч.»* [12, 31].

Речь идет о стихотворении «Наслаждение», опубликованном в 8-й части «Московского журнала» за декабрь 1792 г. В оценке

Карамзина проявляют себя его стилистические предпочтения, а именно тяготение к упрощению синтаксических конструкций, «разработке четкого синтаксиса» [9, 128], стремление «писать приятно» [16, 152]. Можно предположить, что процитированные строки понравились Карамзину своей простотой и лаконичностью: поэтический синтаксис Дмитриева близок живой разговорной речи и отвечает карамзинскому правилу расстановки слов в предложении: «подлежащее впереди сказуемого и дополнений» [9, 128].

33-е письмо от 22 июня 1793 г. содержит «замечания, очень, очень не важные», которые, тем не менее, отражают кропотливую работу Карамзина над усовершенствованием русского литературного языка. Комментируя стихотворение Дмитриева «Жаворонок с детьми и земледелец» (1793), он пишет: «Жаворонок очень хорош. *Пичужечки* не переменяй – ради Бога не переменяй! Твои советники могут быть хорошими в другом случае, а в этом они не правы. Имя *Пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезныя идеи: о свободе и сельской простоте. К тону басни твоей нельзя подобрать лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следственно неволю. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное. Слыша это слово ты еще не знаешь, о чем говорится: о страусе или колибри» [12, 39].

Это хрестоматийно известное письмо, которое цитируется во всех учебниках по истории русского литературного языка в качестве иллюстрации к теории «нового стиля». Через 150 лет после письма «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова) включит в себя слово «пичуга (пичужка)», которое будет иметь помету *разг., с оттенком ласки*. Для иллюстрации значения слова здесь используется пословица «У всякой пичужки свой голосок» [17, 456]. Приведенный в письме № 33 синонимический ряд (*пичужечка – птичка – пернатая*) и коннотативные значения слова «пичуга» ясно демонстрируют «вкусовую» критерий Карамзина-стилиста и его языковое чутье.

В 35-м письме от 17 августа 1793 г. находим следующее замечание: «Не льзя ли, любезный поэт, переменить в ней <песне «Сизый голубочек». – А. П., А. Е.> последние строфы? Она мне не так нравится, как другия. *Персты* и *сокрушу* производят какое-то дурное действие» [12, 42]. Нетрудно догадаться, почему эти слова вызвали у Карамзина неприятие: его «новый слог» должен был быть свободен от архаизмов, на что он и указывает Дмитриеву.

В 43-м письме от 1794 г. содержатся очередные стилистические замечания: «Сердечно благодарю тебя за стихи к *Волге* и за *Ермака*. И ту и другую пьесу читал я с великим удовольствием, не один раз,

а несколько. Bravo! Вот поэзия. Пиши так всегда, мой друг. Только нельзя ли переменить в Ермаке *барабаны, пот, сломил и вскричал?* В хорошем стихотворении я замечаю все и не пропускаю ничего без критики <...>» [12, 50]. Должно предположить, что теоретика «нового слога» эти слова не устроили по разным причинам: «пот» – слишком приземленное, «барабан» – тюркское, «сломил» – разговорное, «вскричал» – отсылает к церковной, книжной речи. Из четырех названных слов Дмитриев оставил «пот», вероятно, для того чтобы более детально и «реалистично» изобразить сцену боя Ермака и Мегмет-Кула, а слово «барабаны» заменил на экзотизм «тимпаны», более соответствующий «местному колориту» [см.: 11].

В 89-м письме от 1798 г. Карамзин вновь выступает за замену церковнославянского слова нейтральным: «Вместо *кроткой* лучше *тихая*» [12, 103]. Те же «бездельные примечания» видим и в 68-м письме от 21 января 1797 г.: «Строфа 3 – вместо *тропой* не лучше ли *стезей?* – Вместо *опущают*, отпускают» [12, 73]. Слово «опущают» является церковнославянским, поэтому требовалась замена нейтральным синонимом «отпускают». Иначе дело обстоит со словом «стезя»: это слово старославянское по происхождению, но иногда Карамзин допускал употребление устаревших слов, если они «прочно закрепились в языке <...> воспринимались как «необветшалые» [9, 127].

Иногда в переписке можно встретить и шутивно-иронические упреки, ср. в 60-м письме от 16 марта 1796 г.: «Долго ли воевать? Пожалуй, опиши в гармонической оде все прелести мира, и пошли ее ко всем дворам; авось либо оно перестанут ссориться» [12, 66]; ср. также в 25-м письме от 6 сентября 1792 г.: «И так ты записался ныне в дамские стихотворцы и пишешь только по заказу! И я бы заказал тебе перевести *Les trios manières*, одну из лучших Вольтеровских сказок; но не будучи дамой, могу ли надеяться?» [12, 30].

Советы, касающиеся дальнейшей совместной творческой деятельности друзей

В 54-м письме от 17 октября 1795 г. Карамзин предлагает Дмитриеву поучаствовать в альманахе «Аониды», набрасывая известную «концепцию» будущей их деятельности: «Начнем – а другие со временем возьмут на себя продолжение. Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показываться публике. Отгоним прочь всех уродов, но призовем тех, которые имеют какой-нибудь талант! Если мало наберется хорошего, поместим изрядное; но подлого, нечистого, карикатурного нам не надобно. Таким образом всякой год могли бы мы выдавать маленькую книжку стихов – и дамам нашим не стыдно было бы носить ее в кармане» [12, 61]. Свои планы Карамзин успешно воплотит в жизнь, издав три выпуска альманаха,

где опубликует стихотворения самых известных на тот момент русских авторов (Херасков, Державин, Капнист, В. Пушкин и др.).

Примечательный совет содержится в 39-м письме от 18 апреля 1794 г.: «Пиши от скуки и от грусти: вот лучшая польза нашего ремесла, которое ремеслом не называется!» [12, 46]. На наш взгляд, в этом замечании Карамзина скрыт ключ к его пониманию литературного быта. Ведь быт – это не что иное, как «вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное отношение» [12, 10]. Литературные занятия («ремесло») постепенно входят в повседневную жизнь русского дворянина, и сопряжены они с образовавшимся у него свободным временем («скука»), а также с особым настроением – «грустью»¹, связанной вовсе не с бедами и неприятностями, а с особым философическим состоянием души, которое (в противовес, например, одическому «восторгу») начинают культивировать русские сентименталисты.

Итак, эпистолярный жанр позволяет «вживую» соприкоснуться с литературным бытом конца XVIII в., увидеть неочевидные на первый взгляд связи между бытовой дружеской перепиской и литературным процессом. Мы видим, как в ходе переписки вырабатывается новое понимание (сентименталистского) литературного стиля, кристаллизуются литературно-критические установки и одновременно складывается мировоззренческая позиция писателей. В сущности, в переписке проходят «выучку» оба: и сам Карамзин, и его старший друг и первый «ученик», ставший не менее популярным, чем его «учитель».

Таким образом, расширяя понятие литературного быта у Ю. Н. Тынянова, следует включить в него дружеские отношения, возникающие между писателями. Дружеские узы становятся важной составляющей как их повседневной жизни, так и напрямую связанного с ней литературного творчества.

Дополним и идеи Ю. М. Лотмана. Не только особые формы быта, человеческих отношений и поведения порождаются литературным процессом, верно и обратное: сама литература зарождается в таких «малых формах» повседневного быта, как дружеское общение и переписка. В свою очередь такая их часть, как дружеские литературно-критические советы, оказывается важным фактором становления творческой личности писателя. И наконец порой в письмах двух единомышленников, в их «очень, очень не важных» рассуждениях о «пичужечках» и «барабанах» наглядно и зримо предстает рождение сентиментализма как литературного направления.

¹ В лирике Карамзин использует в этом же смысле слово «меланхолия».

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина» / Т. Е. Абрамзон. – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.
2. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. «О просвещенная Великая Княгиня!..»: загадка посвящения журнала «Трудолюбивая Пчела» А. П. Сумарокова (К 300-летию со дня рождения) / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров // Libri Magistri. – 2017. – Вып. 3. Филология в XXI веке. – С. 39–48.
3. Вацуру, В. Э. Пушкинская пора: Сб. статей / В. Э. Вацуру. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. – 624 с.
4. Весин, С. Былое из русской жизни и литературы 40–60-х годов / С. Весин. – Житомир: Типография и литография М. Дененмана, 1899. – 231 с.
5. Дмитриев, М. А. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева / М. А. Дмитриев. – М.: Типография В. Готье, 1866. – 314 с.
6. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 1994. – 558 с.
7. Лотман, Ю. М. Литературный быт // Литературный энциклопедический словарь / Ю. М. Лотман. – М., 1987. – С. 194–195.
8. Марченко, Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи / Н. Марченко. – М.: Изограф, Эксмо-Пресс, 2001. – 368 с.
9. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. – Л.: ЛГУ, 1981. – 279 с.
10. Петров, А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 272 с.
11. Петров, А. В. От торжественной оды к историософской поэме (историзация одической топики в «Ермаке» И. И. Дмитриева) / А. В. Петров // Вопросы филологии. – 2005. – № 1. – С. 58–67.
12. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С примечаниями и указателем, составленным Я. Гротом и П. Пекарским. – СПб.: В Тип. Имп. Акад. наук, 1866. – 483 с.
13. Пушкин, А. С. Опровержение на критики / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 143–163.
14. Тодд III, У. М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / У. М. Тодд III. – СПб.: Академический проект, 1994. – 207 с.

А. В. Петров, А. С. Еськова

15. Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция: Избр. труды / Ю. Н. Тынянов. – М.: «Аграф», 2002. – 496 с.

16. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.

17. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.

FORMATION OF POETICS OF LITERARY LIFE
IN KARAMZIN'S LETTERS TO DMITRIEV

A. V. Petrov, A. S. Eskova

Abstract

On the example of N. M. Karamzin's letters to I. I. Dmitriev, containing literary criticism, an attempt is made to expand and supplement the traditional view of the concept of literary life. In the latter, it is proposed to include, in addition to friendly writing, the phenomenon of friendship itself, which affects the formation of the creative personality and the literary process as a whole.

Keywords: N. M. Karamzin, I. I. Dmitriev, literary life, friendly letter, literary criticism

Поступила в редакцию 7.06.2018